
ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.01)*

УДК 165

Д.В. Иванов*Институт философии РАН**г. Москва, Россия*

ivdmitry@mail.ru

ВИДЫ ЭКСТЕРНАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ**[Dmitry V. Ivanov Kinds of externalism in philosophy of mind]**

It is considered externalism in contemporary philosophy of mind. It demonstrates shortcomings of internalist paradigm in explaining the contentful and qualitative aspects of conscious experience and concludes that externalist approach is better suited for developing a naturalistic understanding of mental states. Following S. Hurley, the paper identifies two types of externalism: externalism about content and externalism about qualia. In turn, each of these types of externalism can be divided into what-externalism and how-externalism. The usefulness of such classification is appreciated in the paper. At the same time, it is concluded that we must overcome the differences existing between these kinds of externalism by linking the most problematic variants of externalism to those variants concerning which we have the least problems, eventually overcoming differences between contentful and qualitative aspects of conscious experience.

Key words: philosophy of mind, externalism, mental states, content, qualia.

I

В настоящий момент в дисциплинах, исследующих психические процессы, доминирует интерналистский подход к пониманию природы ментальных состояний, когда ментальные состояния рассматриваются как внутренние состояния организма, а точнее, мозга. Основная проблема, с которой сталкивается данный подход, заключается в том, что мы не способны объяснить природу содержательных и качественных аспектов ментальных состояний.

Натуралистическое объяснение данных феноменов заключается в демонстрации того, как утверждения о них дедуцируются из утверждений о физических или функциональных характеристиках мозга. Иначе говоря, мы должны показать, что содержательные и качественные аспекты редуцируются к данным характеристикам. По мнению многих философов, мы не способны редуцировать ментальные состояния к физическим или функциональным состояниям мозга.

В последние несколько десятилетий написано множество работ, предлагающих различные аргументы и мысленные эксперименты, демонстрирующие трудности редуктивного объяснения качественных аспектов сознательного опыта, квалиа. В настоящий момент большинство философов согласны, что подобного рода объяснение квалиа действительно является особой проблемой, которую Д. Чалмерс обозначил как «трудная проблема сознания». Единодушие среди философов относительно вопроса о редуктивном объяснении содержательных аспектов ментальных состояний отсутствует. Многие философы и ученые склоняются к тому, что мы способны представить натуралистическое объяснение содержания, например, обращаясь к понятию информации. Более того, многие полагают, что мы можем редуцировать качественные аспекты ментальных состояний к содержательным и тем самым избежать трудной проблемы сознания.

Однако, как продемонстрировали Д. Хутто и Э. Мин [8], мы также сталкиваемся с проблемой, аналогичной трудной проблеме сознания, пытаюсь объяснить содержание ментальных состояний. Эту проблему Хутто и Мин обозначили термином «трудная проблема содержания». Основным препятствием на пути натуралистического объяснения содержания оказывается нормативное измерение, присущее содержанию наших ментальных состояний. Дело в том, что содержание ментальных состояний является не просто каким-то впечатком, несущим информацию о каузальном воздействии внешнего объекта. Оно всегда представляет некое положение дел *определенным* образом, фиксируя *определенные* аспекты внешнего мира. Благодаря содержанию ментальных состояний мы реагируем не просто на объекты, оказывающие на нас каузальное воздействие, но на объекты, воспринятые нами под определенным углом зрения. Относительно такого содержания всегда можно спросить, верно или неверно оно представляет положение дел, должны ли мы привести содержание наших ментальных состояний в соответствие с тем, что есть, и, исходя из этого, выстраивать свое поведение в окружающем мире. Такое содержание всегда является предметом оценки и корректировки.

Пытаясь натуралистически объяснить содержание в каких-либо нейтральных терминах, в которых не фигурировало бы в скрытом виде понятие содержания, мы игнорируем нормативные аспекты, присущие содержанию. Например, как отмечают Хутто и Мин, объясняя содержание, мы можем по-

пытаться воспользоваться понятием информации. Однако данное понятие, проинтерпретированное нейтрально относительно понятия содержания, обозначает лишь информацию как ковариацию. С таким видом информации мы сталкиваемся, когда говорим о следе, отпечатке пальца, годичных кольцах на срубке дерева. Об этой информации нельзя сказать, что она верно или неверно представляет положение дел, поскольку мы не можем говорить здесь о возможной ошибке и, соответственно, корректировке этой информации. Скорее, она является лишь свидетельством каузального воздействия.

Отсутствие редуктивного объяснения содержательных и качественных аспектов ментальных состояний сталкивает нас с двумя стратегиями натуралистического понимания этих аспектов. Мы можем либо элиминировать понятия содержания и качества, то есть показать, что объекты, которые эти понятия должны были бы выделить, не существуют, либо мы можем признать, что содержание и качества нередуцируемы ни к каким иным объектам. В последнем случае нам необходимо расширить натуралистическую картину мира, включив в нее в качестве особых естественных объектов содержание и качества. Такую стратегию вряд ли можно реализовать, не нарушив базовых представлений, например, о природе каузального взаимодействия, лежащих в основе этой картины. Реализация этой стратегии, скорее, способна привести нас к каким-нибудь экстравагантным антинатуралистическим взглядам на природу психических процессов.

Поскольку ни одна стратегия натуралистического понимания природы содержания и качества с позиций интернализма не является удовлетворительной, постольку имеет смысл обратиться к анализу экстерналистских взглядов в философии сознания. В последние десятилетия все больше философов склоняется именно к такому подходу к пониманию природы ментальных состояний. Ф. Дретске так пишет по этому поводу: «Материалисты должны быть склонны принимать до определенной степени экстерналистскую позицию относительно сознания. Трудно понять, как от этого можно уклониться. Убеждения, самые заметные жители сознания, и их индивидуация осуществляется в терминах того, о чем эти убеждения. Я не знаю ни одной приемлемой психосемантики, ни одной приемлемой теории, объясняющей то, как одна вещь может представлять другую, которые не были бы по своему характеру экстерналистскими» [5, p. 143].

II

Можно говорить о разных видах экстернализма в философии сознания. С. Хёрли предложила классифицировать их следующим образом [7]. Она предложила различать, прежде всего, экстернализм относительно содержания и экстернализм относительно квалиа. В каждом из этих видов экстернализма мы можем выделить подходы, которые Хёрли обозначила терминами «что-экстернализм» (*what-externalism*) и «как-экстернализм» (*how-externalism*). Самым популярным вариантом экстернализма является что-экстернализм относительно содержания ментальных состояний, отстаиваемый Х. Патнэмом [12, 13] и Т. Бёрджем [3]. Мысленные эксперименты, разработанные этими философами, убедили многих, что содержание ментальных состояний определяется не внутренними (физическими, функциональными) факторами организма, а положениями дел окружающей среды, в которую включен организм. В этих экспериментах нам предлагается представить некоторую контрфактическую ситуацию, при которой внутренние состояния субъекта остаются теми же самыми, а какой-нибудь элемент внешней среды изменяется. Например, изменяется вода на планете-двойнике Земли из мысленного эксперимента Патнэма или изменяется употребление понятия «артрит» в контрфактической ситуации, представленной Бёрджем. Попав в эти ситуации, субъект сохраняет все свои физические, функциональные характеристики, все свои предшествующие убеждения, однако из-за того, что окружающая его ситуация изменилась, меняется и содержание его убеждений. Если убеждения субъекта о природе артрита были ложными в нашем мире, то они станут истинными в сообществе, где понятие артрит функционирует так, как изначально предполагал субъект. Убеждения нашего физического и функционального двойника о воде на своей планете будут иными только потому, что они будут об ином объекте, который внешне не отличим от воды с нашей планеты.

Существенным недостатком подходов Патнэма и Бёрджа является то, что данный вариант экстернализма совместим с двухкомпонентной теорией содержания, согласно которой мысль состоит из референта, внешнего объекта и внутреннего содержания, обозначаемого часто термином «ограниченное содержание» (*narrow content*). В случае с двойниками из мысленного эксперимента Патнэма мы можем сказать, что у обоих наличествует одинаковое ограниченное содержание, то есть их система дескрипций, смыслов тождественна, но их мысли о воде отличаются друг от друга, поскольку зависят от

разных внешних объектов. Такое понимание природы ментальных состояний может привести нас к заключению, что в конечном итоге мир не играет существенной каузальной роли в конституировании их содержания. С точки зрения этой концепции, ограниченное содержание является тем общим моментом, который я разделяю с моим двойником, когда мы оба высказываем мысль «Это – вода», указывая при этом на разные жидкости. Однако если наши ментальные состояния обладают одним и тем же содержанием, хотя мы и говорим о разных объектах, то это значит, что объект оказывается исключенным в каузальном смысле из процесса конституирования ментального состояния. Такое представление о ментальных состояниях возвращает нас к интерналистской парадигме понимания сознания.

По-видимому, для того чтобы выйти за рамки интерналистской парадигмы, не достаточно занять экстерналистскую позицию. Нам необходимо также отказаться от концепции ограниченного содержания. Экстерналистская теория содержания ментальных состояний должна быть не двухкомпонентной, а однокомпонентной. Именно такой вариант экстернализма предлагает в своих работах Дж. Макдауэл [9]. Особенностью всех теорий, которые условно можно представить как относящиеся к интерналистской, картезианской парадигме, является противопоставление содержания мышления и мира, с которым мы имеем дело в опыте. Такое противопоставление, по мнению Макдауэла, сталкивает нас с мифом о данном, с представлением о том, что концептуальному содержанию нашего опыта противостоит неконцептуальная реальность «сырых» данных. Представление об объекте складывается из концептуальной обработки в сфере мысли этих данных. Объект как бы собирается, конструируется в когнитивной сфере из неких простейших элементов. Однако такое понимание базируется на натуралистической ошибке. Противопоставляя концептуальное содержание внешней неконцептуальной реальности, мы теряем содержание в том важном аспекте, который необходимо было затронуть. Собственно, мы теряем концептуальный аспект содержания. Если воспользоваться терминами Хутто и Мина, то такое содержание, скорее, является информацией как ковариацией. Оно перестает выполнять важнейшую функцию содержания интенционального состояния – способность фиксировать реальность в определенных аспектах, осуществлять референцию к объектам, верно или неверно представлять какое-либо положение дел.

По мнению Макдауэла, существует лишь один способ избежать мифа о данном. Он заключается в признании того, что сфера концептуального содержания не ограничена чем-то внешним, неконцептуальным. Наш опыт не является восприятием неконцептуальных данных, которые потом должны быть обработаны в концептуальной сфере. Опыт изначально является концептуальным. Рассматривая опыт подобным образом, Макдауэл отмечает, что содержание, по сути, должно мыслиться как «то, что вещи такие-то и такие»: «То, что вещи такие-то и такие, есть концептуальное содержание опыта, но... этот же самый момент, то, что вещи такие-то и такие, также является воспринимаемым фактом, аспектом воспринимаемого мира» [9, p. 26].

Таким образом, если классический экстернализм может быть обозначен как двухкомпонентная теория ментальных состояний, то есть предполагающая наличие ограниченного содержания и некой реальности, выходящей за сферу концептуального содержания, то экстернализм, предлагаемый Макдауэлом, является однокомпонентным. В нем содержание не мыслится как некая внутренняя ментальная сущность отделенная от внешних объектов. Оно вынесено во вне, являясь определенным положением дел в мире.

Резюмируя, можно сказать, что внутри что-экстернализма относительно содержания можно выделить два типа теорий – двухкомпонентные и однокомпонентные. Недостатком двухкомпонентных теорий содержания является то, что они совместимы с интернализмом, с концепцией ограниченного содержания. Такого недостатка лишена однокомпонентная теория содержания Макдауэла. Ее преимуществом является также то, что она совместима с как-экстернализмом относительно содержания.

III

Если что-экстернализм делает акцент на том, что содержание ментального состояния зависит от положения дел, внешнего по отношению к организму, то как-экстернализм отмечает, что сами ментальные состояния выходят за пределы мозга и организма в целом. Как-экстернализм относительно содержания представлен, прежде всего, теориями расширенного сознания (*the extended mind*). Эти теории выдвигались в разное время в философии и психологии. Например, вариантом такой теории можно считать взгляды Выготского на роль знака в формировании высших психических функций. В последние два десятилетия гипотеза расширенного сознания активно обсужда-

лась в связи со статьей Чалмерса и Кларка [4], которые эксплицитно сформулировали эту гипотезу. Свою позицию авторы обозначили как активный экстернализм, противопоставляя ее классическому экстернализму Патнэма и Бёрджа. Внешние характеристики окружающей среды, которые выделялись в классическом экстернализме, являются пассивными, отдаленными от субъекта сознательных состояний в каузально-историческом смысле. Чалмерс и Кларк пишут: «Когда я полагаю, что вода жидкая, и мой двойник полагает, что вода-двойник жидкая, внешние характеристики, ответственные за разницу наших убеждений, являются удаленными и зависящими от истории взаимоотношений, размещаясь на другом конце длинной каузальной цепи. Присутствующие же в настоящий момент характеристики оказываются нерелевантными: если я окажусь прямо сейчас поблизости от XYZ-жидкости (например, телепортировавшись на Двойник Земли) из-за моей истории мои убеждения все еще будут об обычной воде» [4, p. 29].

В активном экстернализме внешние характеристики окружающей среды являются активными, формируя здесь и сейчас когнитивные состояния. Организм и объект окружающей среды создают спаренную систему (*coupled system*), которая может рассматриваться как когнитивная система. Внешний объект в этой системе играет активную каузальную роль. Его удаление ведет к исчезновению определенного когнитивного процесса. Настаивая на том, что мы имеем дело именно с подлинными когнитивными процессами, Чалмерс и Кларк опираются на принцип соответствия (*the parity principle*): «если, когда мы решаем определенную задачу, часть мира функционирует как процесс, который, происходи он в голове, мы без промедления распознали бы как когнитивный процесс, то эта часть мира является (как мы утверждаем) частью когнитивного процесса» [4, p. 29].

Чалмерс и Кларк подкрепляют свои идеи следующим мысленным экспериментом. Они предлагают рассмотреть ситуацию, когда мы выстраиваем наше поведение, основываясь на воспоминаниях. У Инги нет проблем с памятью. Когда она узнает, что в музее современного искусства будет интересная выставка, она вспоминает, что музей находится на 53-й улице, и направляется туда. У Отто – болезнь Альцгеймера. Он не может полагаться на свою биологическую память и постоянно использует записную книжку. Когда он узнает о выставке и решает на нее сходить, он обращается к своей

записной книжке, чтобы узнать местоположение музея. И Инга, и Отто ведут себя одинаково, оба направляются в музей, поскольку оба имеют желание посетить выставку и правильное убеждение, что музей – на 53-й улице. По мнению Чалмерса и Кларка, мы можем сделать вывод, что записная книжка Отто играет ту же роль, что и биологическая память Инги. Это значит, что система человек-внешний объект в данном случае выполняет определенную когнитивную функцию, что определенный психический процесс расширяется в мир за счет внешнего объекта.

Критикуя Чалмерса и Кларка, оппоненты выдвинули ряд возражений. Одно из них заключается в указании на совершение сторонниками теории расширенного сознания следующей ошибки. По мнению оппонентов, внешние объекты способны оказывать каузальное воздействие на наши когнитивные процессы. Однако это не значит, что данные объекты конституируют когнитивные процессы. Ошибкой будет рассматривать их таким образом, и именно эту ошибку каузации-конституирования совершают сторонники теории расширенного сознания.

Отвечая на это возражение, Хёрли отметила, что оппозиция внешнего и внутреннего, устанавливаемая экстернализмом и интернализмом, не тождественна оппозиции каузации и конституирования. Думать иначе означает совершать ошибку предвосхищения основания. Оппоненты гипотезы расширенного сознания должны доказать, что внешние объекты не могут участвовать в конституировании когнитивных процессов, а не утверждать это, исходя из того, что данные объекты являются чем-то внешним по отношению к организму. По мнению Хёрли, этот вопрос не может быть решен априори. Вопрос о легитимности экстернализма – это вопрос о том, насколько успешно в каждом конкретном случае предлагаемое нами объяснение, а не о том, есть ли у нас метафизический критерий, который заранее нам скажет, что может быть когнитивным процессом, а что – нет. Замечание Хёрли справедливо, однако оно означает, что сторонники интернализма могут не принимать экстерналистские эмпирические объяснения определенных процессов, пока у них имеется свой вариант их объяснения. По-видимому, чтобы опровергнуть интернализм, необходимо предложить объяснение таким эмпирическим примерам когнитивных процессов, которые не ухватываются в рамках интерналистской парадигмы.

Основные возражения против теории расширенного сознания выдвигались в связи с мысленным экспериментом, предложенным Чалмерсом и Кларком. Не вдаваясь в их обсуждение, следует признать, что этот эксперимент действительно является неудовлетворительным. Он не демонстрирует, что внешний объект способствует именно формированию новых когнитивных способностей, а не их улучшению. Вместе с тем этот эксперимент не позволяет увидеть иную возможность для активного экстернализма, поскольку в нем только Отто рассматривается в качестве субъекта с расширенным сознанием. Это препятствует пониманию того, что сознание Инги также является расширенным. Это расширение обеспечивается языком, знаками, которыми оперируют и Инга, и Отто.

Задолго до того, как в философии когнитивной науки начались дебаты относительно гипотезы расширенного сознания, инспирированные статьей Чалмерса и Кларка, особый вариант теории расширенного сознания был разработан в культурно-исторической психологии Выготского. Несомненно, подход к пониманию психических процессов, предложенный Выготским, следует охарактеризовать как экстерналистский. Вот что Выготский пишет об этом: «Операция употребления знака, стоящая в начале развития каждой из психических функций, по необходимости носит в первое время характер внешней деятельности. Знак вначале, как правило, есть внешний вспомогательный стимул, внешнее средство автостимуляции. Это обусловлено двумя причинами: во-первых, происхождением этой операции из коллективной формы поведения, которая всегда принадлежит сфере внешней деятельности, и, во-вторых, примитивными законами индивидуальной сферы поведения, которая в своем развитии еще не оторвалась от внешней деятельности, еще не эмансипировалась от наглядного восприятия и внешнего действия (например, наглядное, или практическое, мышление ребенка). Законы же примитивного поведения гласят, что ребенок раньше и с большей легкостью овладевает внешней деятельностью, чем ходом внутренних процессов» [1, с. 16–17].

В своих исследованиях Выготский экспериментально продемонстрировал, как взаимодействие с внешней знаковой реальности конституирует новые психические функции, обозначаемые им как высшие психические функции. Важной характеристикой экспериментов вообще и мысленных экспериментов, в частности, как отмечает Хёрли, является обоснование зависимости

определенных изменений в исследуемом объекте от какого-либо параметра. Такое обоснование можно получить, демонстрируя, что именно варьирование данного параметра при сохранении неизменными остальных параметров приводит к изучаемым изменениям объекта. Именно таким образом, например, выглядит обоснование экстернализма в мысленных экспериментах Патнэма и Бёрджа, показывающих как меняется содержание ментальных состояний в зависимости от изменения окружающей среды при том, что все внутренние состояния организма остаются теми же самыми.

Этому же условию удовлетворяют эксперименты Выготского. В них мы видим, что внешняя речь ребенка является не просто сопутствующим элементом практического интеллекта, она ответственна именно за формирование данной когнитивной способности. Воздействуя на речевое поведение ребенка, мы можем наблюдать изменение соответствующих когнитивных процессов у него. Например, Выготский пишет: «Первое же наблюдение за ребенком в экспериментальной ситуации, сходной с ситуацией, в которой Келер наблюдал практическое применение орудия обезьянами, показывает, что ребенок не просто действует, пытаясь достичь цели, но одновременно говорит. Речь, как правило, возникает у ребенка спонтанно и длится почти непрерывно на протяжении всего эксперимента. Она проявляется с большим постоянством и усиливается всякий раз, когда ситуация становится более трудной и цель оказывается не столь легко достижимой. Попытки помешать ей ... или ни к чему не приводят, или останавливают действие, сковывая все поведение ребенка» [1, с. 22].

Резюмируя, можно отметить, что предложенный Выготским подход к пониманию возникновения высших психических функций в онтогенезе индивида удовлетворяет основным критериям обоснования теории расширенного сознания. Акцент, который Выготский делает на социальной форме развития психики, позволяет охарактеризовать его позицию как активный социальный экстернализм. Подобное обозначение помогает отличить подход Выготского от экстернализма, защищаемого Кларком и Чалмерсом, в котором не уделяется внимание социальным формам развития психики, и от предложенного Бёрджем социального экстернализма, в котором подчеркивалась лишь пассивная роль общества в формировании содержания ментальных состояний.

Обсуждая аргумент Кларка и Чалмерса, Р. Менари предложил рассматривать его как относящийся к первой волне аргументов в поддержку теории расширенного сознания [10]. Аргументы первой волны основываются на принципе соответствия, подчеркивающим функциональную идентичность внешних и внутренних составляющих когнитивных процессов. Менари справедливо отмечает, что апелляции к данному принципу не достаточно, чтобы обосновать теорию расширенного сознания. Вторая волна аргументов, по его мнению, основывается на принципе дополнительности, который допускает радикальную нетождественность внешних и внутренних объектов, формирующих ментальные состояния.

Менари характеризует аргументы второй волны как аргументы в пользу когнитивной интеграции. Их цель объяснить, как внешние и внутренние аспекты когнитивных процессов конституируют единое целое. Менари пишет: «Основная цель моего аргумента показать, что недостаток аргументов в пользу расширенного сознания ведет нас к пониманию когнитивной сферы (и сознания) в качестве гибрида – включающего как внутренние, так и внешние процессы, – и аргументы в пользу интеграционного понимания показывают нам, как телесные внутренние и внешние процессы взаимодействуют друг с другом в процессе выполнения когнитивных задач» [10, р. 228]. Подход к пониманию природы когнитивных процессов, разработанный Выготским, вполне мог бы быть основанием, поддерживающим аргументы второй волны в пользу теории расширенного сознания.

IV

Как уже отмечалось выше, по мнению Хёрли, помимо экстернализма относительно содержания ментальных состояний нам следует выделять экстернализм относительно качественных аспектов этих состояний. Однако аргументы, предлагаемые в поддержку экстернализма относительно содержания, не могут быть применены для обоснования экстернализма относительно качеств. Если мы попытаемся обосновать последний вариант экстернализма, используя отмеченные выше классические мысленные эксперименты, то интуиция, к которой апеллируют эксперименты, будет, скорее, на стороне интернализма.

Согласно Хёрли, это связано с тем, что феноменальные качества изначально мыслятся не просто как внутренние качества, но и как несводимые к

физическим и функциональным свойствам. Именно поэтому нам кажется, что, варьируя какие-либо параметры окружающей среды, мы не затрагиваем внутренние феноменальные качества. Как рассуждал Декарт, мы можем сомневаться в существовании внешнего мира, но мы не в состоянии подвергнуть сомнению наличие феноменальных данностей.

Однако, как полагает Хёрли, тот факт, что феноменальные качества мыслятся как несводимые к иным внутренним свойствам организма, означает, что интернализм не является априори единственным возможным пониманием природы феноменальных качеств. Вполне возможно, что верной является экстерналистская позиция. Если феноменальные качества несводимы к внутренним физическим и функциональным свойствам организма, то, возможно, они супервентны не на этих внутренних свойствах, а на внешних положениях дел.

Замечание Хёрли не является аргументом в поддержку экстернализма относительно феноменальных качеств. Однако оно является одним из оснований предпочесть экстернализм интернализму. Аналогичную попытку найти приемлемое основание для принятия этой позиции предпринял Дретске. По его мнению, наш доступ к феноменальному опыту зависит от нашего доксического опыта, то есть от того, каким образом мы фиксируем в понятиях феноменальные качества. Он пишет: «Если k не выглядит как F для S в доксическом смысле, то даже если этот объект ВЫГЛЯДИТ (Дретске использует заглавные буквы для обозначения феноменального опыта видения – Д.И.) как F для S , S не будет осознавать этот факт (S не сможет)» [5, р. 151]. Предлагаемое Дретске основание предпочесть экстернализм интернализму, хотя и не является аргументом в пользу экстернализма относительно феноменальных качеств, но оно все же позволяет нам переложить бремя доказательства того, что данные качества являются внутренними, на интерналистов.

Одним из основных доводов в поддержку интернализма является аргумент от иллюзии. Сторонники интернализма могут указать на то, что феноменальный опыт восприятия чего-то может быть неотличим от опыта иллюзорного восприятия этого объекта. Поскольку внешний объект в случае иллюзорного восприятия отсутствует, а феноменальные качества сохраняются, постольку можно сделать вывод, что они не зависят от внешнего объекта и должны быть чем-то внутренним.

Против этого аргумента с позиции экстернализма можно высказать следующие соображения. Как отмечает Г. Харман, те, кто поддерживает этот аргумент, путают свойства репрезентируемого объекта со свойствами самого опыта. Харман так пишет об этом: «Когда вы видите дерево, вы не воспринимаете какие-то характеристики, внутренне присущие опыту. Взгляните на дерево, а затем направьте ваше внимание на характеристики, внутренне присущие вашему визуальному опыту. Я предсказываю, вы обнаружите, что единственные характеристики, на которые вы направляете внимание, будут характеристики представленного дерева, включая реляционные характеристики дерева, как оно видится “отсюда”» [6, р. 39]. Такое смещение характеристик происходит, по мнению Хармана, из-за ошибочного убеждения, что когда репрезентируемый объект отсутствует как в случаях иллюзорного восприятия, то качества этого объекта должны приписываться самим ментальным состояниям. Однако, как отмечает Харман, это не так. Например, из факта, что некто ищет какой-либо объект, который не существует в действительности, – Харман приводит в пример поиски испанским конкистадором Понсе де Леоном фонтана вечной молодости – не следует, что этот человек нацелен найти нечто ментальное. То же самое мы можем сказать и о человеке, который воспринимает несуществующее дерево. Даже если это дерево не существует, «содержанием ее визуального опыта является то, что перед ней находится дерево, но не идея дерева» [6, р. 36].

Другую стратегию критики аргумента от иллюзии предлагает Хёрли. Она отмечает, что восприятие и иллюзорное восприятие не являются тождественными в физиологическом смысле. Внутренние характеристики организма, нейронные корреляты феноменальных качеств этих двух видов опыта, меняются вместе с изменениями внешней среды. Как уже отмечалось выше, простого указания, что феноменальные качества супервентны на внутренних характеристиках организма, не достаточно для обоснования интернализма. Необходимо также показать, что эти внутренние характеристики независимы от изменения внешних параметров. Без этого мы не можем утверждать, что феноменальные качества супервентны именно на внутренних состояниях. Как же объяснить в таком случае тождество феноменальных качеств? Хёрли предлагает рассматривать эти качества как характеристики расширенных динамических паттернов (*extended dynamic patterns*) взаимодействия организма

и окружающей среды. Такая стратегия рассмотрения качеств является экстерналистской, но она предполагает вариант экстернализма, отличный от рассмотренных выше. Если рассуждения Дретске и Хармана можно рассматривать как поддерживающие что-экстернализм относительно качеств, то подход Хёрли следует охарактеризовать, как нацеленный на подкрепление как-экстернализма относительно качеств.

Хёрли считает, что опираясь на динамический подход, возможно предложить объяснения, которые будут в состоянии поддержать как-экстернализм относительно феноменальных качеств – интуитивно наименее приемлемый вид экстернализма. В своих рассуждениях она исходит из того, что предполагаемое тождество опыта восприятия и иллюзорного восприятия не может быть объяснено указанием ни на тождество внешней среды, ни на тождество внутренних состояний организма, поскольку нейронные паттерны этих двух видов опыта отличаются. Эмпирическая гипотеза, выдвигаемая Хёрли, заключается в том, что видимое подобие этих двух процессов сознания следует объяснять, ссылаясь на общий для них динамический паттерн взаимодействия организма с окружающей средой. Подобного рода решение, на которое указывает и сама Хёрли, мы находим также в сенсорномоторном энктивизме А. Ноэ, который предлагал рассматривать феноменальные качества как реляционные свойства. Обозначая их как П-свойства, свойства, воспринимаемые из определенной перспективы, Ноэ так пишет о них: «П-свойства – видимая форма и размер объектов – являются вполне «реальными» или «объективными». Действительно, отношение П-формы и П-размера к форме и размеру может быть описано с помощью точных математических законов (например, закона линейной перспективы). Важно, для того чтобы охарактеризовать П-свойства, не нужны отсылки к ощущениям и чувствам ... Тем не менее, П-свойства являются реляционными. Конкретно, они зависят от отношения между телом воспринимающего субъекта и воспринимаемым объектом. ... Если существует разделение между сознанием и миром (в картезианском смысле, раздел между ментальным внутренним пространством и нементальной внешней средой), то П-свойства выступают определенно на стороне мира» [11, p. 83].

Обоснование как-экстернализма относительно феноменальных качеств, действительно, может быть сложной задачей. Однако, возможно, эта задача

выглядит сложной из-за тех предпосылок, которые мы принимаем относительно природы содержания и квалиа, и, соответственно, из-за той классификации экстернализма, которую мы только что рассмотрели. Признавая полезность этой классификации в пропедевтических целях, мы должны, на мой взгляд, постараться преодолеть наблюдаемое нами различие между разными вариантами экстернализма, связывая наиболее проблематичные варианты экстернализма с теми вариантами, относительно которых у нас возникает меньше всего вопросов, в конечном итоге преодолевая различие, проводимое нами между содержательными и качественными аспектами сознательного опыта.

Рассмотрение квалиа как реляционных свойств объектов, с которыми взаимодействует организм, на мой взгляд, позволят нам реализовать эту задачу. Прежде всего, мы можем отметить относительность границ между что-экстернализмом и как-экстернализмом относительно качеств. Реляционные свойства являются свойствами объектов, но они также зависят от характера взаимодействия организма с этим объектом. Более того, понимание квалиа как реляционных свойств позволят рассматривать их как часть содержания ментальных состояний, понятого с позиций экстернализма Макдауэла в качестве определенного положения дел.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. Т. 6. М. 1984.
2. *Vygotsky L.S.* Tool and Sign in the Development of the Child // *Vygotsky L.S.* The Collected Works. Vol. 6. Moscow: Pedagogika.
3. *Burge T.* Individualism and the Mental // *Midwest Studies in Philosophy.* 1979. No 4.
4. *Clark A., Chalmers D.* The extended mind // *The extended mind / Ed. by R. Menary.* Cambridge, MA: MIT Press, 2010.
5. *Dretske F.* Phenomenal Externalism or If Meaning Ain't in the Head, Where Are Qualia? // *Philosophical Issues.* 1996. Vol. 7, Perception. P. 143–158.
6. *Harman G.* The Intrinsic Quality of Experience // *Philosophical Perspectives.* 1990. Vol. 4, Action Theory and Philosophy of Mind. P. 31–52.

7. *Hurley S.* The varieties of externalism // *The extended mind* / Ed. by R. Menary. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 101–154.
8. *Hutto D., Myin E.* Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
9. *McDowell J.H.* Mind and World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
10. *Menary R.* Cognitive Integration and the Extended Mind // *The extended mind* / Ed. by R. Menary. Cambridge, MA: MIT Press, 2010.
11. *Noë A.* Action in Perception. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
12. *Putnam H.* Meaning and Reference // *The Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. No 19.
13. *Putnam H.* Reason, Truth, and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

R E F E R E N C E S

1. *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // *Выготский Л.С. Собрание сочинений*. Т. 6. М. 1984.
2. *Vygotsky L.S.* Tool and Sign in the Development of the Child // *Vygotsky L.S. The Collected Works*. Vol. 6. Moscow: Pedagogika.
3. *Burge T.* Individualism and the Mental // *Midwest Studies in Philosophy*. 1979. No 4.
4. *Clark A., Chalmers D.* The extended mind // *The extended mind* / Ed. by R. Menary. Cambridge, MA: MIT Press, 2010.
5. *Dretske F.* Phenomenal Externalism or If Meaning Ain't in the Head, Where Are Qualia? // *Philosophical Issues*. 1996. Vol. 7, Perception. P. 143–158.
6. *Harman G.* The Intrinsic Quality of Experience // *Philosophical Perspectives*. 1990. Vol. 4, Action Theory and Philosophy of Mind. P. 31–52.
7. *Hurley S.* The varieties of externalism // *The extended mind* / Ed. by R. Menary. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 101–154.
8. *Hutto D., Myin E.* Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.

9. *McDowell J.H.* Mind and World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
10. *Menary R.* Cognitive Integration and the Extended Mind // The extended mind / Ed. by R. Menary. Cambridge, MA: MIT Press, 2010.
11. *Noë A.* Action in Perception. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
12. *Putnam H.* Meaning and Reference // The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70. No 19.
13. *Putnam H.* Reason, Truth, and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

10 июня 2018 г.
